

Газета — 2009 — МОСКВА — С. 1, 15

“у меня ни одной медали нет — ни от советской власти, ни от антисоветской”

Михаил Козаков — Газете

Фотограф: Валерий Плотников

Сегодня страна отметит юбилей **Михаила Козакова**. Накануне своего 70-летия Михаил Михайлович дал интервью корреспонденту Газеты Глебу Ситковскому.

Михаил Михайлович, вы где-то сказали, что недолюбливаете жанр интервью: врать не любите и не умеете, а дать интервью, не соврав, чрезвычайно трудно... Знаете, в чем главная трудность для человека, который дает интервью? Ты в руках человека, который потом оформит на бумагу твою устную речь. А устный разговор и печатное слово — это огромная разница. Ты в руках того человека, который облечет твою мысль в слова. Он действует, как режиссер, который монтирует фильм, — что-то выбрасывает, что-то переставляет местами. Что это, как не монтаж? Примерно то же самое бывает с актером, который попадает в руки режиссера. Я имею в виду именно кино, а не театр. В кино ты зависишь от того, какую паузу тебе даст режиссер, как он смонтирует свой фильм. Ты можешь играть гениально, а когда фильм выйдет на экран, увидишь там нечто совершенно противоположное. И наоборот. Ты не бог весть как играешь, но в руках мастера начинаешь играть лучше. То же самое и с интервью. Я с этим сталкивался неоднократно.

А вы сами говорите в интервью всю правду?

Я всегда говорю всю правду. Хотя это сложно. Мне 14 октября исполняется 70 лет. Все говорят — юбилей, юбилей, праздник... А я повторяю себе горькую фразу: «Но юбилей от дня рождения ты сам не должен отличать». Ты стал на год старше, к сожалению, вот и все. Я встречаю этот юбилей в рабочем состоянии: с головой занят выпуском для телевидения фильма «Играем Шекспира», где выступаю как автор сценария, режиссер и исполнитель. Одновременно играю спектакли в Театре имени Моссовета, выступаю с концертами «От Пушкина до Бродского».

газета — с 1, 15.

14.10.04

«Все говорят — юбилей, юбилей, праздник... А я повторяю себе горькую фразу: «Но юбилей от дня рождения ты сам не должен отличать». Ты стал на год старше, к сожалению, вот и все»

70 лет Михаилу Козакову

“у меня ни одной медали нет — ни от советской власти, ни от антисоветской”

Михаил Козаков — Газете

Михаил Козаков: «Я всегда говорю всю правду. Хотя это сложно». Фотография 1965 года. Фото: ИТАР-ТАСС

ОТ

другой стороны, есть и расстройства. Расстройства эти связаны с тем, что я иногда попадаю в чужие режиссерские руки. Вот сейчас, монтируя свою документально-художественную ленту, я понимаю, насколько все актеры, участвующие в создании картины, зависят от моего вкуса, чувства юмора, чувства ритма, ума... Отвлекаясь немного, вспомню, что на канале «Культура» сейчас выйдет мой фильм-спектакль «Медная бабушка» по пьесе Леонида Зорина «Пушкин». Там играют многие замечательные актеры, и я волнуюсь невероятно, думая о том, понравится ли им, доверившимся мне, то, как они у меня играют. То же самое чувство испытываю я, когда сам снимаюсь у кого-то. Я с волнением смотрю, как я выгляжу в этих работах. И часто огорчаюсь. Вчера, например, я увидел два фильма с моим участием по телевизору, и, честно сказать, меня это просто добило.

Чем добило?

Чем? Да тем, что плохо смонтировано! Сначала я увидел первый из четырех фильмов, где я рассказываю о своей работе на телевидении начиная с 1954 года. Ну сижу в телеви-

зоре, рассказываю... Но монтаж! Я бы сделал это совершенно по-другому. Ладно, смотрю телевизор дальше. И вижу картину Бориса Бланка «Таиров», где я играю главную роль. Когда я до этого смотрел односерийный вариант картины, это было хотя и спорно, но пристойно. Но то, что я увидел вчера... Я лекарства после этого пил, чтобы успокоиться и заснуть. Картина, которая до этого шла час двадцать минут, теперь разбита на три серии по пятьдесят минут. Монтировали абы монтировать. Просто люди взяли то, что было, и разжижили. И ощущение такое, что на экране просто несоборанный материал, а не готовый фильм. Я ни-че-го не понял из того, что мне показали. Смотрел и думал: какое счастье, что это показывают в час ночи, когда большинство уже спит. Это безобразный монтаж! Я в отпаде, как теперь принято говорить.

Кира Муратова когда-то сняла свое имя из титров искореженного цензурой фильма «Среди серых камней».

Режиссер может это сделать, но актер не может вынуть свое лицо из чужой картины. Вот почему эта профессия зависимая, вот почему я когда-то бежал от нее и сам стал ставить кино.

Вы ведь могли и полностью уйти из актерской профессии, посвятив себя только режиссуре, но не сделали этого.

Но у меня была работа в театре! А это совсем другая история, чем в кино. Вот я играю Лиру в Театре имени Моссовета. Я не могу один отвечать за весь этот спектакль, но я понимаю, в чем мне предстоит сыграть и смогу ли я сделать в своей роли то, чего добиваюсь. Спектакль, в котором я играю, может, и не очень мне нравится, но я знаю, что свои куски сыграю в том ритме и в том напряжении, в каком хочу. Когда мне совсем не нравилось, то я просто уходил и из спектаклей, и из театров. Но если фильм вышел на экран, из него уже не уйдешь. Актер в театре менее зависим, чем в кино.

Значит, мысли бросить актерское ремесло не возникало?

Да что вы! Зачем? Я играю Лиру в спектакле Хомского и получаю в процессе игры огромное удовольствие. Если бы этот режиссер меня не устраивал категорически, я бы ушел от него, как уходил от Эфроса на спектакле «Дорога». Или так, как я ушел из спектакля «Большевики» Ефремова в «Современник». Я и из МХАТа уходил. И из «Гамлета» Глеба Панфилова в «Ленкоме». И из «Гамлета» Пе-

тера Штайна, где я играл Тень Отца Гамлета, ушел не потому, что роль маленькая, а потому, что мне было скучно в том спектакле. С некоторыми режиссерами у меня устанавливались непростые отношения, как с господином Житинкиным в «Шейлоке». Я предложил свою концепцию и настаивал на ней. Если была возможность договориться, играл. А когда не договаривались, уходил.

Кстати, о монтаже. Если попытаться проследить за вашей биографией, то может показаться, что она вся состоит из огромного количества монтажных кусков. Вы меняли режиссеров, театры, страны... Вы меняли семьи, наконец. Такой короткий монтаж — ваше сознательное жизненное кредо?

Не такой уж он и короткий. Иногда эти «монтажные куски» длились по десять-пятнадцать лет.

Но другие-то люди всю жизнь служат в одном театре и живут с единственной женой.

Люди все разные. Я всегда стремился к одному понятию. Это — независимость. Еще Пушкин говорил: независимость — словечко-то ерундовое, но больно сама вещь хороша. Что это значит? Абсолютной независимости не бывает. Вот, допустим, я проработал в «Современнике» десять лет. Это было настоящее счастье — особенно первые шесть лет. Ефремов говорил мне: «Миша, ставь спектакли, режиссируй!». А зачем? Я не хотел! Потому что был и так полностью доволен своим положением актера и режиссурой Ефремова и Волчек. Но потом наступил момент, когда «Современник» начал разваливаться. И я ушел. А Ефремов через год ушел сам! Потом я работал на Малой Бронной у великого режиссера Анатолия Эфроса. Я ушел от него, и через год развалился его театр, и Эфрос его покинул!

Да, а когда вы уехали в Израиль, то через короткое время развалился и Советский Союз.

Смешно, но так. (Смеется.) Я никогда никого не свергал, никогда не лез в интриги. Я отстаивал только свою точку зрения и свою личную независимость. Я не дружил ни против кого. Я сначала спорил (а спорить, как известно, можно только с единомышленниками), а потом уходил. И таким вот образом прожил свою жизнь.

Если бы вам как режиссеру было позволено самому перемонтировать свою жизнь, какие из «монтажных кусков» вы бы отправили в брак, а какие оставили?

История, как известно, не терпит сослагательного наклонения. Жизнь тоже.

Конечно. Но ведь существуют еще и мечты, существует воображение... А еще есть на свете такая штука, как самоудовольствие, которое вам, если судить по вашей «Актерской книге», очень даже свойственно.

Ну вот в книге я обо всем и написал. А сейчас пишу вторую, чуть поменьше. Называется «Живая галерея». А день, когда мне исполнится 70, я запланировал так. Утром съезжу на кладбище к отцу. Мама, к сожалению, на другом кладбище, но я помолюсь потом и свечки в церкви поставлю. Затем поработаю над фильмом, а вечером ко мне придут мои очень близкие друзья в любимую мною однокомнатную квартиру. Запру двери, выключу телефон и буду радоваться, что друзья меня помнят. Никаких юбилейных вечеров, никаких чествований. Кроме того, я попросил в Театре имени Моссовета, чтобы не слали наверх никаких бумаг о всяких медалях, званиях или орденах для меня. Я никогда в жизни, слава тебе Господи, не получал никаких орденов. У меня даже ни одной медали нет — ни от советской власти, ни от антисоветской. И мне хочется таким образом дожить свою жизнь.

газета

здравствуйте, я ваш

Михаил Михайлович Козаков родом из Ленинграда. Его отец был известным советским писателем, и в их квартире на канале Грибоедова часто бывали Евгений Шварц, Михаил Зощенко, Анатолий Мариенгоф. Окончив в 1956 году Школу-студию МХАТ, Козаков поступил в труппу Театра имени Маяковского, которым в ту пору руководил Николай Охлопков. Через три года перешел в только что созданный театр «Современник», где прослужил 11 лет. В 1971—1972 годах Михаил Козаков в труппе МХАТа, с 1972-го по 1981-й — в Театре на Малой Бронной у Анатолия Эфроса. В кино дебютировал в 1956 году в фильме Михаила Ромма «Убийство на улице Данте». Далее последовали «Человек-амфибия» (1961), «Выстрел» (1966), «Вся королевская рать» (1971), «Здравствуйте, я ваша тетя!» (1975). В 1978 году Козаков совершил режиссерский дебют, поставив на ТВ фильм «Безымянная звезда». Из других известных фильмов Михаила Козакова не могут быть не упомянуты культовые «Покровские ворота» (1982) и «Визит дамы» (1989). В 1991 году уехал на ПМЖ в Израиль. Вернувшись через пять лет в Москву, создал «Русскую антрепризу Михаила Козакова». На сцене Театра имени Моссовета играет Шейлока и Короля Лиры. Народный артист РСФСР, лауреат Госпремий СССР и РСФСР.

дата

не утомил

Михаилу Козакову — 70 лет

СЛАВА ТАРОЩИНА

Юбилей актера, режиссера, писателя Михаила Козакова отечественное ТВ отмечает, показывая «Театральную летопись» на канале «Культура» и фильм Бориса Бланка «Таиров» на ТВЦ.

Переделкино. Июль. Жара. У открытой калитки в Дом творчества дежурит маленький Миша Козаков, сын «большого» Михаила Козакова. Он честно предупреждает любого, кто вознамерится пересечь заветную черту: «Не ходите туда, там папа читает Бродского». «Папа» читает подолгу, невзирая на утомленных слушателей, всегда, везде, и не только Бродского, но и Пушкина, Самойлова, Державина, Цветаеву, Тарковского. Для него не важна аудитория: сидит зал Чайковского, модный клуб, переделкинская беседка с десятью древними старухами, девять из которых мнят себя любовницами Блока.

Газетная полоса плохо приспособлена для разговора о личностях масштаба Михаила Козакова, которому сегодня исполняется 70 лет. Стоит только перечислить все им сделанное в кино, театре, литературе, на ТВ — вот и полосе конец. Такой ренессанский размах обычно настораживает. Но внешний рисунок судьбы Козакова не всегда совпадает с внутренним: неизвестно, чего было больше — взлетов или провалов. Зато ясно другое: человек петербургской школы, он не просто вписан в культурный слой, он сам по себе — целый культурный слой. Сегодня такие люди на вес золота, они спасают нас от духовного одиночества.

На мой взгляд, главное из искусств для Михаила Михайловича — это Слово. Ему он служит истово, трепетно, преданно. Именно эта любовь вдохновляет все сделанное Козаковым, в том числе и на ТВ. В основе его телеработ всегда великолепная литература: «Фауст» Гете, «Маскарад» Лермонтова, «И свет во тьме светит» Толстого, «Последняя жертва» Островского, «Визит дамы» Дюрренматта, «Тень» Евгения Шварца. Жаль, что так и не вышла «Пиковая дама», которую он снимал в 1987 году. Самая таинственная сюрреалистическая повесть Пушкина привела режиссера к последней степени душевного истощения. С тяжелой депрессией он угодили в «Бехтеревку» и только там смог освободиться от измучившей его вредной старухи. Сегодня, когда конвейер работает бесперебойно, выдавая по серии в день, этот случай настолько уникален, что сам по себе достоин фильма.

Козаков не только практик ТВ, но и, можно сказать, теоретик. Еще в начале 1990-х он дополнил Нагорную проповедь заветом: «Не утоми!» Не утоми мыслью, чувством, сердечным участием — и успех тебе обеспечен. Именно сей концепт лучшие телеумы России восприняли как руководство к действию. Тем не менее, по признанию Козакова, телевидение во многом его спасало. Даже многосерийную «Театральную летопись», запущенную сейчас к юбилею на канале «Культура», он ведет через призму второй реальности. Здесь он материализовался в 1957-м — участвовал в первом советском телеспектакле «В конце пути» (пьесу репетировали в студии, а затем мизансцены разводились по камерам). Зато в фильме «Таиров» он в день 70-летия, по прихоти судьбы, появился на другом канале — ТВЦ.

В отличие от интересной, мудрой, пронизанной козаковскими интонациями «Летописи», новая работа Бориса Бланка с юбилеем в главной роли производит странное впечатление. Трагическая судьба режиссера плохо корреспондируется со стилистикой губернского модерна. Карнавальная стихия увела авторов далеко за пределы здравого смысла — агрессивный визуальный ряд задавил содержание. Актерам играть нечего: Сталин в исполнении Алексея Петренко вещает голосом товарища Саахова; Таиров-Козаков то и дело картинно задумывается над смыслом театра; Алиса Коонен (Алла Демидова) предстает в роли женщины-вамп в трактовке «мирикусников».

Трудно сказать, насколько сам М.М. умеет отличать поражение от победы. Да это и неважно. Для Козакова важнее блоковская мысль, которую он любит повторять вновь и вновь: «Все, что человек хочет, непременно сбывается. А если не сбывается, то и желания не было, а если сбывается не то — разочарование только кажущееся: сбылось именно то».